

К. В. Пронин*

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕАЛИЗАЦИИ СУДАМИ ДИСКРЕЦИОННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет автору сделать вывод о дискреционном характере полномочий суда на досудебных стадиях производства по уголовному делу. Рассмотрены правовые предпосылки предоставления судам значительной свободы для реализации собственного усмотрения или, иными словами, широких дискреционных полномочий в рамках судебного-контрольного производства.

Ключевые слова: судебный контроль, дискреционные полномочия, внутреннее убеждение, правовая неопределенность

Дискреционные полномочия (лат. *discretio* – решение по своему усмотрению) в современных юридических словарях и энциклопедиях определяются как полномочия, обусловленные собственным усмотрением субъекта правоотношений¹.

Использование дискреционных полномочий – необходимое условие успешного осуществления судами возложенных на них функций по защите прав и свобод человека и гражданина (в том числе в тех случаях, когда законодатель нормативно не закрепил надлежащий механизм (процедуру) их обеспечения), гарантирующее независимость судебной ветви власти, отсутствие рычагов давления на отдельного судью и судебную систему в целом.

Дискреционный характер полномочий судов на досудебных стадиях производства по уголовному делу обусловлен двумя причинами.

Первая причина – наличие у суда процессуальной возможности формировать в ходе осуществления контрольной функции собственное внутреннее убеждение относительно как фактической, так и юридической основы дела; приоритет внутреннего убеждения судьи над внутренним убеждением лица, чье решение или действие (бездействие) является предметом судебного контроля.

Статья 17 УПК РФ, закрепляющая принцип свободы оценки доказательств, считается правовой основой процесса формирования внутреннего убеждения судьи в ходе осуществления контрольной функции. Утверждение о приоритете внутреннего убеждения судьи над внутренним убеждением лица, чье решение или действие (бездействие) выступает предметом судебного контроля, требует дополнительной аргументации, поскольку многие процессуалисты рассматривают принцип свободы оценки доказательств в качестве догмы о «процессуальном равенстве». В частности, Б. Т. Безлепкин пишет: «Оценка доказательств по внутреннему убеждению означает такой порядок, при котором тот, в чьем производстве находится дело, обладает процессуальной самостоятельностью и исключительной компетенцией в этой области; ни дознаватель, ни следователь, ни прокурор, ни суд не вправе и не обязаны руководствоваться оценкой, предлагаемой кем-либо другим»². Однако нужно учитывать, что данное правило применительно к связке «следователь (дознаватель) – прокурор – суд» действует только в одном направлении: при осуществлении процессуального действия (принятии процессуального решения) оценка тех или иных обстоятельств органом расследования не обязательна для прокурора, позиция органа расследования и прокурора –

* Пронин Константин Владимирович – преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Саратовского военного института внутренних войск МВД России (Саратов). E-mail: postmaster@svvku.ru.

для суда. Если предположить возможность обратимости рассматриваемого правила, т. е. действительную равнозначность внутреннего убеждения дознавателя, следователя, прокурора и суда с точки зрения их влияния на принятие процессуальных решений (действий), ряд норм уголовно-процессуального закона породят неразрешимые противоречия. Например, такие полномочия прокурора, как:

давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК);

требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК);

возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения или обвинительного акта и устранения выявленных недостатков (п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК) и т. д.³

Анализ российского уголовно-процессуального законодательства позволяет предположить, что в качестве средства преодоления противоречий, возникающих между участниками уголовного судопроизводства по поводу принятия процессуальных решений, выступает принцип, который условно можно назвать принципом оценки приоритетности внутреннего убеждения. Его суть заключается в следующем. Согласно уголовно-процессуальному законодательству вся процессуальная деятельность с момента возбуждения уголовного дела и до вынесения по нему судом итогового решения подразделяется в зависимости от субъекта, чье внутреннее убеждение определяет эту процессуальную деятельность, на три уровня.

На первом уровне уголовное дело находится в производстве у следователя⁴. Правовая оценка расследуемого деяния и соответственно принимаемые процессуальные решения определяются его внутренним убеждением.

На втором уровне (после получения уголовного дела с обвинительным заключением от следователя) правовая оценка расследуемого деяния и принимаемые процессуальные решения определяются внутренним убеждением прокурора. При совпадении правовых оценок прокурора и следователя (т. е. при отсутствии противоречий между внутренним убеждением прокурора и внутренним убеждением следователя) прокурор утверждает обвинительное заключение (п. 1 ч. 1 ст. 221 УПК РФ), тем самым принимая на себя бремя уголовного преследования. При наличии противоречий между правовыми оценками следователя и прокурора прокурор возвращает дело следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). Таким образом, при наличии противоречий между внутренними убеждениями следователя и прокурора приоритет имеет внутреннее убеждение последнего.

И наконец, на третьем уровне (после того, как дело направлено в суд) решения по всем ключевым вопросам принимаются исходя из правовой оценки органа судебной власти.

Таким образом, в ходе судебного разбирательства приоритетным является внутреннее убеждение суда. Это правило распространяется как на промежуточные процессуальные решения (назначение предварительного слушания, возвращение уголовного дела прокурору, прекращение уголовного дела или уголовного преследования, откладывание и приостановление судебного разбирательства, решение вопроса о мере пресечения, возобновление судебного следствия и т. д.), так и на решение главного вопроса уголовного судопроизводства — о виновности или невиновности подсудимого⁵.

При наличии существенных противоречий между правовой оценкой того или иного процессуального действия (решения), основанной на внутреннем убеждении следователя (дознавателя), прокурора и суда, на этапе перехода от одного уровня к другому резко изменится оценка законности и обоснованности проведенной по уголовному делу работы. Это может привести к значительным временным и материальным затратам из-за корректировки результатов предыдущей процессуальной деятельности, что в свою очередь может повлечь нарушение прав как потерпевшего, так и обвиняемого на судебное разбирательство в течение разумного срока. «Следственные действия на стадии предварительного расследования совершаются с учетом их последующей оценки судом на предмет законности и обоснованности»⁶, — отмечают Р. В. Ярцев и Н. Н. Ковтун. Однако отложенный судебный контроль далеко не всегда может выступать в качестве достаточно эффективного инструмента устранения противоречий, возникающих при переходе производства по делу на третий уровень, где определяющим становится внутреннее убеждение судьи⁷. В целях исключения указанных негативных последствий уголовно-процессуальный закон наделяет суд достаточно серьезными полномочиями для оказания влияния на качество предварительного расследования. Как подчеркивает Л. С. Мирза, предварительное расследование как процессуальная деятельность осуществляется не только «до суда», но и «для суда», что обуславливает необходимость судебного контроля действий и решений на досудебных стадиях производства по уголовному делу⁸.

Приоритет внутреннего убеждения судьи над внутренним убеждением лица, чье решение или действие (бездействие) является предметом судебного контроля, вытекает из содержания самого термина «контроль». В словаре русского языка С. И. Ожегова под контролем понимается проверка, а также постоянное наблюдение с целью проверки или надзора; проверить, в свою очередь, означает удостовериться в правильности чего-либо⁹. По мнению В. П. Беляева, функция контроля заключается прежде всего в том, что уполномоченные на то органы и должностные лица, используя организационно-правовые способы и средства, устанавливают, соответствует ли деятельность органов и лиц законам и поставленным перед ними задачам¹⁰.

Таким образом, независимо от того, что понимать под предметом судебного контроля — деятельность органов предварительного расследования¹¹, исполнение законов и обеспечение прав, свобод и законных интересов участников досудебных стадий уголовного процесса¹² или симбиоз двух этих точек зрения¹³, — в качестве эталона выступает оценка судьи, основанная на его внутреннем убеждении. Правовая оценка, которую дало должностное лицо, принявшее то или иное решение или осуществившее какое-либо действие (бездействие), сравнивается с правовой оценкой суда, сформированной им в процессе осуществления контрольной функции. Если эти оценки совпадают и, следовательно, совпадают внутренние убеждения судьи и данного должностного лица, констатируется отсутствие нарушения прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Если же внутреннее убеждение должностного лица отличается от внутреннего убеждения судьи, говорится о нарушении законности.

Следует отметить, что наделение органов судебной власти значительным объемом полномочий на досудебных стадиях уголовного судопроизводства отдельные ученые-процессуалисты рассматривают как нарушение принципа процессуальной самостоятельности следователя. «Новый УПК практически не оставил ничего от процессуальной самостоятельности следователя»¹⁴, — писал Б. Я. Гаврилов. Возвращаясь к данной теме через 7 лет, он сказал: «Анализ полномочий прокурора и суда в аспекте их соотношения с процессуальным статусом следователя позволяет утверждать, что статус следователя по новому УПК существенно снизился, ибо из достаточно самостоятельной процессуальной фигуры органа предварительного следствия, которым он был по УПК РСФСР, нынешний следователь низведен до уровня должностного лица, наделенного

лишь отдельными полномочиями по самостоятельному производству некоторых следственных и иных процессуальных действий»¹⁵.

Действительно, само наличие у суда определенного объема полномочий на этапах досудебного производства неизбежно влечет ограничение полномочий других участников уголовного судопроизводства – следователя (дознавателя) и прокурора. Такой вывод однозначно следует из положений общей теории права и законов формальной логики: заполнение определенного сегмента пространства на правовом поле одним субъектом правоотношений возможно только за счет соответствующей его «аннексии» у других субъектов. Поэтому, соглашаясь с утверждением Б. Я. Гаврилова о значительном изменении в УПК РФ баланса полномочий на этапе предварительного расследования, автор статьи не разделяет его негативную оценку указанных новаций. Переход процессуальных полномочий означает и изменение баланса значимости внутреннего убеждения участников правоотношений, что полностью согласуется с приведенными выше трехуровневой схемой построения производства по уголовному делу и принципом оценки приоритетности внутреннего убеждения. Более того, принцип процессуальной самостоятельности следователя в том виде, в каком он был закреплен в Концепции судебной реформы в Российской Федерации, не может быть «ущемлен» возложением на судебные органы контрольных полномочий на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В частности, в Концепции указаны следующие наиболее важные аспекты рассматриваемого принципа:

независимость следователя в принятии решений от вмешательства *лиц, не являющихся субъектами уголовного процесса*;

независимость деятельности следователя от каких-либо государственных и общественных организаций, учреждений и должностных лиц, *кроме прокурора и суда*¹⁶.

В этом виде принцип процессуальной самостоятельности был перенесен и в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ: следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, *за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа*.

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии каких бы то ни было противоречий на досудебных стадиях производства по уголовному делу между контрольными полномочиями суда, процессуальным приоритетом его внутреннего убеждения и принципом процессуальной самостоятельности следователя.

В качестве второй причины, обуславливающей дискреционный характер полномочий органов судебной власти на досудебных стадиях производства по уголовному делу, выступает следующее обстоятельство: нормы УПК РФ, регламентирующие основания принятия лицом (органом), осуществляющим предварительное расследование, решения о производстве процессуального действия, законность которого является предметом судебного контроля, носят оценочный характер и требуют толкования их содержания. Анализ процесса толкования судами правовых норм позволяет сделать вывод о присутствующей ему дискреционной составляющей, однако она выражается с учетом ограничений, накладываемых правилом о приоритетном значении заложенной в конкретную правовую норму воли законодателя. Выбор судом одного из нескольких возможных вариантов толкования подлежащей применению нормы права должен быть основан на следующем постулате: приоритет имеет вариант толкования, соответствующий заложенной в правовую норму воле законодателя. Отход от соблюдения данного постулата не может быть оправдан даже наличием варианта, который, по мнению суда, более эффективен, приемлем в конкретной ситуации. И уже только в случае принципиальной невозможности воспользоваться первым критерием суд может руководствоваться при выборе вариантов толкования собственными представлениями с точки зрения наибольшей эффективности в достижение общих целей уголовного судопроизводства.

Более того, с учетом необходимости оценки в рамках судебного контроля не только законности (т. е. наличия формальных поводов и оснований) принятия лицом (органом), осуществляющим предварительное расследование, того или иного решения или производства какого-либо действия (бездействия), но и его обоснованности (что напрямую связано с установлением критерия достаточности) степень неопределенности многократно усиливается.

Так, при принятии решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суду нужно установить наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый (подозреваемый):

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Анализ используемых законодателем в ст. 97 УПК РФ семантических конструкций («наличие... оснований полагать», «может продолжать...», «может угрожать...») позволяет однозначно утверждать, что суду достаточно установить *вероятность*, *возможность* такого развития событий. Как указывает И. Л. Петрухин, «для избрания меры пресечения достаточно доказать вероятность хотя бы одного из перечисленных вариантов нежелательного поведения обвиняемого»¹⁷. Но полностью исключить такую вероятность может только заключение под стражу. Как справедливо отметил судья Европейского Суда по правам человека Петтити, «только тюремное заключение полностью устраняет угрозу побега»¹⁸.

Таким образом, ясно, что речь должна идти о какой-то «достаточной» степени вероятности. Но закон не содержит, да и не может содержать в силу бесконечного многообразия жизненных ситуаций исчерпывающего перечня обстоятельств, которые свидетельствовали бы о «наличии достаточных оснований».

Помимо перечисленного, суд при решении вопроса о законности и обоснованности избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу должен учесть также «тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и *другие обстоятельства*» (ст. 99 УПК РФ), а также обосновать «невозможность применения иной, более мягкой, меры пресечения» (ч. 1 ст. 108 УПК РФ). Еще более абстрактна совокупность обстоятельств, подлежащих учету при заключении под стражу подозреваемого: УПК РФ в ч. 1 ст. 100 ограничивается лишь ссылкой на «исключительность» случая.

При рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания под стражей суд сталкивается все с тем же множеством обстоятельств, подлежащих учету при принятии решения. В соответствии с правовыми формулами, выработанными в практике Европейского Суда по правам человека, суд должен выяснить, «проявили ли компетентные национальные органы „особое усилие“ при проведении следственных процедур»¹⁹, дабы минимизировать сроки следствия, а следовательно, и содержания обвиняемого под стражей. При повторной оценке «опасности сговора» (в российской терминологии – вероятности, что обвиняемый «может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу») суду надо учитывать, что «власти могут посчитать необходимым содержать подозреваемого в тюрьме, по крайней мере в начале следствия, для того чтобы помешать ему запутать расследование. Однако с течением времени ситуация меняется... и при нормальном развитии событий предполагаемые риски постепенно уменьшаются по мере того, как проводится расследование, фиксируются показания и осуществляется проверка»²⁰.

Фактически суд при рассмотрении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу (или о продлении срока содержания под стражей) вынужден руководствоваться тремя абсолютно абстрактными правовыми формулами:

заключение под стражу и срок непрерывного содержания обвиняемого под стражей должны определяться в каждом деле в соответствии с его специфическими чертами;

содержание под стражей может быть оправданно, только если в деле есть конкретные указания на то, что требование защиты публичного интереса, несмотря на презумпцию невиновности, перевешивает требование уважения личной свободы;

право содержащегося под стражей обвиняемого на то, чтобы его дело было расследовано с особой срочностью, не должно мешать правосудию осуществлять свои задачи с надлежащей тщательностью²¹.

Таким образом, следует констатировать, что осуществление судом своих полномочий по проверке законности и обоснованности избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу сопряжено с необходимостью преодолевать сильнейшую правовую неопределенность, вызванную чрезвычайно абстрактным содержанием правовых норм, регламентирующих данный процесс.

Аналогичные «уравнения со многими неизвестными» приходится решать суду и при осуществлении процедуры получения лицом, проводящим расследование, судебного разрешения на производство следственных действий в порядке ст. 165 УПК РФ.

Анализ деятельности органов судебной власти при осуществлении контроля в порядке ст. 125 УПК РФ позволяет разделить все поступающие жалобы на две категории по признаку выраженности дискреционной составляющей в принимаемых по ним решениях. Для первой категории характерно отсутствие вариативности в принимаемых по таким жалобам судебных решениях — соответственно их дискреционная составляющая стремится к нулю. К этой категории относятся жалобы на действия (бездействие) и решения, процессуальная регламентация которых не допускает двойного толкования. Проверка законности таких действий (бездействия) и решений заключается в установлении наличия или отсутствия формальных признаков (элементов).

Если процессуальная регламентация обжалуемых действий (бездействия) или решений в качестве условия соблюдения законности или обоснованности содержит нормы оценочного характера либо если четкая правовая квалификация этих действий (бездействия) или решений сопряжена с необходимостью преодолеть фактическую неопределенность, то полномочия суда по разрешению таких жалоб приобретают признаки дискреционности. При этом следует учитывать, что для отнесения жалобы ко второй категории действие (бездействие) или решение должно обжаловаться именно по основаниям, допускающим тот или иной вид неопределенности.

В качестве еще одной причины, обуславливающей дискреционный характер полномочий суда по разрешению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, выступают краткость и абстрактность процессуальных норм, регламентирующих ключевые вопросы рассматриваемой формы судебного-контрольного производства. Как отмечает Н. А. Колоколов, в настоящее время судебный контроль напрямую регламентируется лишь ст. 125 УПК РФ. В результате сущность судебного контроля правоприменитель должен постичь самостоятельно, а отсутствующие в ст. 125 УПК РФ элементы регламента судебного-контрольной деятельности ему придется искать в других положениях процессуального законодательства, применяя их по аналогии²². Полномочия судов по применению аналогии носят характер дискреционных: даже при том, что они ограничены рамками уже существующих норм УПК РФ, необходимость учитывать особенности, специфику разрешаемых ими в таких случаях вопросов привносит значительный элемент дискреции в рассматриваемый процесс²³.

В заключение требуется отметить, что исходя из конституционного принципа правовой определенности наличие у суда в той или иной ситуации возможности произволь-

ного, обусловленного собственным усмотрением выбора одного из нескольких вариантов ее разрешения, при том, что каждый из этих вариантов является «легитимным», следует рассматривать как некую «патологию» законодательства. Анализ правовых норм, регламентирующих полномочия суда на досудебных стадиях производства по уголовному делу, позволяет сделать однозначный вывод: подавляющее их большинство вопреки принципу правовой определенности предоставляют суду значительную свободу для реализации собственного усмотрения или, иными словами, широкие дискреционные полномочия. Подобный подход обусловлен прежде всего тем, что суд в процессе осуществления возложенных на него уголовно-процессуальным законодательством контрольных функций решает стоящие перед ним задачи в условиях значительной правовой и фактической неопределенности.

¹ Большой юридический словарь. М., 1997. С. 167; Современный словарь иностранных слов. М., 1994. С. 205; Юридическая энциклопедия. М., 2000. С. 24.

² Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2008. С. 28.

³ Возможность следователя (дознавателя) в случае несогласия с правовой оценкой прокурора обжаловать его действия (решения) в том или ином порядке, установленном УПК РФ, не позволяет сделать вывод, что «дознатель, следователь... не обязаны руководствоваться оценкой, предлагаемой кем-либо другим». Последнее слово всегда остается за Генеральным прокурором РФ (ч. 6 ст. 37, ч. 4 ст. 221 УПК РФ).

⁴ Если расследование уголовного дела осуществляется в форме предварительного следствия.

⁵ Исключением из данного правила является требование, закрепленное в ст. 252 УПК РФ, о невозможности поворота к худшему в судебном заседании.

⁶ Ярцев Р. В., Ковтун Н. Н. Практика функционирования судебного контроля, реализуемого в порядке статьи 125 УПК РФ // Уголовный процесс. 2007. № 12. С. 22.

⁷ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан // СЗ РФ. 1998. № 28. Ст. 3393; Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 133, части 1 статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» // Там же. 1999. № 14. Ст. 1749.

⁸ Мирза Л. С. Доступ к правосудию в процессе обжалования в суд действий и решений органов, ведущих расследование // Рос. судья. 2004. № 2. С. 22.

⁹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2008. С. 611.

¹⁰ Беляев В. П. Контроль как форма юридической деятельности и гарантия законности // Право и политика. 2004. № 2. С. 17.

¹¹ Быков В. М. Судебный контроль за предварительным следствием // Уголовный процесс. 2007. № 1. С. 36.

¹² Жеребятьев И. В. Предмет судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Уголовный процесс. 2005. № 10. С. 33.

¹³ По мнению В. А. Лазаревой, «судебный контроль за соблюдением прав и свобод участников уголовного процесса по большей части сливается с осуществляемым судом контролем за законностью действий и деятельности органов расследования в целом и обоснованностью принимаемых ими решений, поэтому раздельное рассмотрение этих вопросов возможно только в теоретическом плане» (Лазарева В. А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара, 2000. С. 71–72).

¹⁴ Гаврилов Б. Я. О процессуальной самостоятельности следователя: история, реальное состояние и перспективы развития // Право и политика. 2001. № 2. С. 98–99.

¹⁵ Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008. С. 176.

¹⁶ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 26, 65–66.

¹⁷ Петрухин И. Л. Меры пресечения: понятие, основания и условия применения // Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2001. С. 122.

¹⁸ Особое мнение судьи Петтити. Решение Европейского Суда по правам человека от 26 января 1993 г. W против Швейцарии // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. М., 2000.

¹⁹ Решение Европейского Суда по правам человека от 27 августа 1992 г. по делу «Томази против Франции» // Там же.

²⁰ Решение Европейского Суда по правам человека от 12 декабря 1991 г. по делу «Клоот против Бельгии» / пер. с англ. С. А. Беляева // ИПС «Гарант».

²¹ Решение Европейского Суда по правам человека от 27 июня 1968 г. по делу «Вемхоф против Федеративной Республики Германии» // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения.

²² Колоколов Н. А. Статья 125 УПК РФ: сущность судебного контроля // Уголовный процесс. 2009. № 6. С. 3.

²³ Пронин К. В., Францифоров Ю. В. Применение аналогии в реализации судом дискреционных полномочий по уголовному делу // Современное право. 2009. № 9. С. 99.